

С. Ф. ЕЛЕОНСКИЙ

Повесть о царе Соломоне в фольклорной переработке XVIII в.

Среди наиболее распространенных произведений русской старинной письменности, близких к устному народному творчеству, особое место занимают повести о царе Соломоне, мотивы которых отразились в самых различных жанрах фольклора: в былинах, побывальщинах, духовных стихах, сказках, легендах, заговорах, загадках, а также в сценах народного театра.

Исследованию сказаний о Соломоне были посвящены работы многих дореволюционных ученых, в том числе виднейших, но основной задачей изучения было выяснение международной судьбы «Соломоновского предания» и определение его первоисточника. Поэтому из русских повестей и легенд привлекались к исследованию в первую очередь древние по своему типу, традиционные версии, а позднейшие, книжно-фольклорные пересказы рассматривались как искаженные и затемнявшие первоначальное содержание этих версий. Вопрос же об истории повести о Соломоне на русской почве в русской рукописной литературе и устной словесности разрабатывался недостаточно.

Путь, пройденный повестью от ее первоначальных редакций до позднейших, народных вариантов, представляется не вполне ясным. Многочисленные рукописные тексты XVII—XVIII вв., не исключая давно уже приведенных в известность, до сих пор остаются большей частью неизданными и неисследованными. Сравнительное изучение их показало бы, как постепенно «опрощалось» книжное сказание, приспособляясь к русской бытовой обстановке, усваивая фольклорные мотивы или само переходя в устное бытование.

А. И. Яцимирский в «Мелких текстах и заметках по старинной славянской и русской литературам» издал один список такого «обнародованного» характера. Это — «Повесть о царе Соломоне и о царе Контоврасе» по рукописи XVIII в. из собрания П. И. Щукина (№ 252). Она, по словам издателя, «не имеет значения для истории текста; она может быть характерна только для истории перехода одной из наиболее популярных в старой письменности „басен и кощун“... в русскую лубочную литературу и народную сказку».¹

В этом отношении еще больший интерес представляет другой текст повести о царе Соломоне, помещенный в так называемом «Красном сборнике» ГИМа (из собрания М. И. Соколова, № 15, скоропись XVIII в.) и пока не опубликованный.

Указанный сборник старинных повестей, легенд и других статей уже не раз привлекал внимание исследователей литературы. На заседании

¹ ИОРЯС 1906, т. XI, кн. 2, стр. 304—308.

Славянской комиссии (26 марта 1898 г.) владеец рукописи проф. М. И. Соколов сделал доклад, посвященный описанию и характеристике памятника.²

Остановившись, в частности, на анализе повести о Соломоне, М. И. Соколов заметил, что она интересна «по своей полноте и народному стилю, представляя вместе с тем немало ценных вариантов как в мелких частностях, так и в целых эпизодах».

Выписками из этого же текста пользовался В. Ф. Миллер в статье «К былине о Соломоне и Василии Окуловиче».³

Текст повести о царе Соломоне в редакции «Красного сборника» можно считать «переходной ступенью» к устным пересказам, так же как опубликованный А. И. Яцимирским список из собрания Щукина, если согласиться с М. И. Соколовым, что открытый им текст явился своего рода связующим звеном между рукописной и фольклорной традицией не только сказочной, но и песенной.

Замечателен стиль повести о царе Соломоне в «Красном сборнике», обильно использующий изобразительные средства народной эпической речи (медлительность изложения, повторения, постоянные эпитеты, сравнения и пр.). Характерно в этом тексте самое построение фразы, с постоянными повторениями одного подлежащего в соседних предложениях: «Царь Давид взял на руки свои, царь Давид не узнал кузнецова сына. Речет царь Давид со слезами» (л. 116); «Царь Давид услышел от боярина Викчулы сущую правду, царь Давид боярина Викчулу послал изкати царевича Соломона, царь Давид сказал боярину Викчуле» (л. 123 об.).⁴ Встречается и многократное повторение одного сказуемого: «Велела мне тебя, царевича Соломона, вести х теплому морю, велела тебе предати и сердце ис тебя велела вынути и велела испечи сердце и принести к себе, а тело твое велела бросить в теплое море» (л. 113—113 об.).

Такая конструкция предложений, с нагромождением повторяющихся подлежащих или сказуемых, создает тот замедленный темп повествования, когда рассказчик не спешит со своим рассказом, а задерживает его, растягивает изложение, останавливая внимание на всех попутных моментах действия. Медлительный тон речи выражается и в той эпической обстоятельности, с которой излагаются совершающиеся события. Так, если герой пишет грамоту, то указывается в самых подробных выражениях, кто пишет, кому и откуда: «Царевич Соломон Давыдевич написал грамоту из Цепецкай⁵ земли ко отцу своему царю Давыду Ессеевичу» (л. 132). Если кто-нибудь обращается с речью, то точно отмечается, кто говорит и кому: «Речет царь Давид царевичу Соломону»; «Речет царица Вирсавия боярину Викчуле»; «Сказал боярин Викчула царевичу Соломону»; «Речет царевич Соломон боярину Викчуле».

² Труды Славянской комиссии Археологического общества, т. III. М., 1902, Протоколы, стр. 4—5.

³ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. М., 1924, стр. 174—202.

⁴ Свообразна орфография «Красного сборника»: в нем совершенно не употребляется буква «ять»; буквы «ъ» и «ь» не различаются в написании, причем они ставятся повсюду между двумя согласными, за исключением предлогов-приставок «про», «при» и приставки «пре», а также тех случаев, когда согласная буква выносится на верх строки. Эти написания фиктивных глухих, применяемые в тексте рукописи с полной последовательностью, не сохранены в приводимых цитатах.

⁵ «Цепецкая» — это, конечно искаженное написание Египетской (иначе Египецкой) земли, упоминаемой в других списках повести о Соломоне. См., например, в издании Н. С. Тихонравова «Летописи русской литературы и древности» (т. IV, М., 1862, стр. 131).

В следующих за этим обращениях снова обстоятельно обозначается имя героя в такой формуле: «Благороднай мой и любезнай царевич Соломон!» «Благородная и благоверная царица Вирсавия!».

Стиль повести «Красного сборника» отличается обилием повторений. Так, например, наказ царицы Вирсавии боярину Викчуле, признание Викчулы царевичу Соломону, доклад Викчулы царице Вирсавии о выполненном им поручении, рассказ Викчулы, когда он открывает царю Давиду злой умысел Вирсавии, наконец, рассказ самого Соломона, проникшего к своей матери под видом Разумника, — все эти пять эпизодов изложены почти в одинаковых выражениях и с одинаковыми подробностями. То же текстуальное сходство наблюдаем мы в трижды повторенном эпизоде о «торге без запрещения», а также в финале повести (сцена под виселицей), где Соломон вызывает дружину троекратно повторенным сигналом. Эта финальная сцена выделяется особой эпической законченностью.

Как и в былинах и сказках, встречаются повторения отдельных слов («лик в лик»), повторения предлогов («ко матушке моей царице ко Вирсавии», «за морем за теплым», «по смерть по свою горькую», «на царе сижу, на злодее моем, на царе Соломоне»), сочетания слов, родственных по происхождению («клич кликати»), сочетания слов, родственных по значению («пакость делаешь скверную», «реки-источники текут»). Особый вид повторений — повторения подлежащего и сказуемого — мы уже отмечали.

Излюбленным, как в песнях и сказках, является число «три»: три камня самоцветные, три года, трои суток, три кольца и многие другие примеры. Нередки также постоянные эпитеты: «пшеница белоярая», «каменья самоцветные», «зверь лютый», «дары честные», «кушанье сахарное», «златой терем», «злат стол», «товар парчевой», «зелье забудущее» и многие другие. Есть и сравнения, например такие эпические образы уподобления: «Гой еси гостинай сын! не по себе виноград счиплешь и царскую сливу крадешь!» (л. 108), — кричит царевич Соломон любовнику царицы Вирсавии. Корабль, снаряженный «княженецким» слугой, украшенный «золотом и серебром и каменьями самоцветными», чудодейственные гусли, которые то отыгрывают ум, то рассеивают печаль, конь, «что ни лучший», богатырский сбик царя, обнажившего свой царский меч, поднявшего его выше себя, — все это обрисовано в народно-поэтическом вкусе.

Чисто сказочное распространение дается в эпизоде сватовства царевны Соломаниды Володомовны: «Царь Давид срядил три посла во Царьград, дал войска 12 полков, отпустил с великою честью в Царьград ко царю Володому Володомовичу по царевну Соломаниду Володомовну; три посла с войскем остоновилися не доехавши Царяграда за трицетъ верст, из Царяграда царь Володом Володомович выслал встретить трех пашей... с великою честью, встретили с пушечною палбою и со всякими веселыми играми» (л. 143 об.). Заметим, что имя цареградского царя Володома Володомовича напоминает Володотому стиха о Голубиной книге и возникшей на его основе повести о граде Иерусалиме.

Всеми этими особенностями повесть «Красного сборника» заметно выделяется среди других текстов сказаний о царе Соломоне. Между ними старшие тексты написаны традиционно-книжным языком; младшие, напротив, испытали уже довольно значительное влияние фольклора. На пути к сближению с ним большой шаг вперед делает пересказ «Красного сборника»: не свободный еще от церковно-славянизмов, встречающихся в виде отдельных речений и форм (отче, рек, ночь, зело, братие, умре, млада суца, сицевое послание, аз и пр.), он, освобождаясь от них, местами сби-

вается на чисто народный склад рассказа, местами же переходит в народный песенный стих.

Намечается иногда и глагольная рифма: «Во цепечкой земле у крестьянина живет, кони и всякай скот пасет» (л. 122). Непроизвольно возникают в речи внутренние созвучия; например: «стала рушить и кушати» (л. 115 об.). Не раз вводятся в рассказ народные пословицы: «Не рожден не сын, не окуплен не холоп» (л. 112 об.).

Приближаясь по складу речи к народной эпической песне, заимствуя от нее медлительный и мерный ритм, принимаемая порой стихотворный лад, усваивая при этом песенные же формы слов (протяжные окончания прилагательных: златоперых, теплым, чесных, царским, крабчих и пр.), текст этого памятника является как бы пограничным между книгой и былинной (о Соломоне и Василии Окуловиче).

Наряду с этим рассказ нередко приобретает отрывистость и живость народной разговорной речи с ее просторечием («ужастился», «что не дела баеши», «не устоял на ногах», «к деревенскому мужику в пустую избу» и пр.), напоминая запись устной сказки. Если некоторые эпизоды повести «Красного сборника» стоят на границе с былинной, то другие страницы ее непосредственно граничат со сказками, с фольклорными пересказами легенды о царе Соломоне.

Особенностями стиля этот текст настолько отличается от обычной формы старорусской книжности, что, нужно думать, он вышел из-под пера не обыкновенного переписчика, копировавшего готовый оригинал, а писца-импровизатора, излагавшего хотя бы отчасти по памяти, наизусть. При таком предположении становятся понятными и все отклонения этого текста в сторону былины и сказки: писец «Красного сборника», перелагая известный ему сюжет «своими словами», невольно впадал в традиционный тон сказителей и сказочников. Отрываясь от своего рукописного оригинала, писец вносил много изменений, вставок и эпических распрощаний.

Этим объясняется и наличие в повести «Красного сборника» различных бытовых добавлений, характеризующих своеобразно-реалистическую тенденцию пересказа. Таковы упоминания об «окрестных помещиках», удивляющихся мудрости мальчика Соломона, о дворянах, о «гостиной сотне», «гостином сотнике», «гостиной жене», попадье, боярыне, вострыне (вместо «боярина», фигурирующей в других списках), о «флаках», которыми украсили свои корабли заморские купцы, — деталь, отсылающаяся бытовой обстановкой XVIII в.

Сравнительный анализ собранных вариантов былины о Соломоне и Василии Окуловиче показал, что она жила и передавалась в народе в течение нескольких веков, начиная, по крайней мере, с XVI столетия. Из рукописных же текстов сказаний о царе Соломоне большее сходство с устно-народными версиями обнаруживают «младшие» списки, явившиеся во всяком случае позже XVI в. Они, очевидно, сами испытали фольклорное воздействие, особенно сильное в редакции «Красного сборника». Говорить об обратном влиянии этих позднейших, уже фольклоризированных редакций и списков повести о Соломоне на издавна уже сложившуюся былинку, утверждать, что они «перешли в былинку», нет достаточных оснований.

Романический сюжет о приключениях царя Соломона и его неверной жены, разработавшийся параллельно с рукописной повестью и былинной, в равной (если не большей) мере был облюбован также и сказками. При этом старина о Василии Окуловиче не могла быть родоначальницей сказок о Соломоне уже по той причине, что в некоторых из них рассказ о бег-

стве (или увозе) жены-изменницы является продолжением рассказа о детстве мудрого царевича и его «судах», как в рукописной повести. Нельзя же предположить, что одна половина этой цельной сказочной истории ведет свое начало от былины, а другая почерпнута в каком-то другом источнике.

Сказки о детстве Соломона, а также о его «судах» гораздо чаще встречаются отдельно, без продолжения о его женитьбе и измене жены. Равным образом и этот второй, «романический» сюжет иногда излагается в виде самостоятельной сказки. Нельзя не заметить, что многообразие мотивов тех и других фольклорных сказок далеко не покрывается старорусскими рукописными сказаниями об этом библейском царе и мудреце. Лишь немногие устные пересказы более или менее близко следуют за рукописными редакциями повести. Такова, например, сказка о Соломоне в записи И. А. Худякова,⁶ таков еще в особенности прозаический текст П. Н. Рыбникова «Царь Саламан».⁷ В них действительно чувствуется влияние народной книги, которое, однако, могло быть «вторичным» и «обратным», потому что сами-то поздние книжно-народные обработки легенды о Соломоне в значительной мере создавались под воздействием фольклорного предания. В этом отношении, как мы могли убедиться, особенно показателен пример фольклоризированной редакции повести, пересказанной в «Красном сборнике».

⁶ И. А. Худяков. Великорусские сказки, в. 2. М., 1861, № 80.

⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. I. М., 1909, № 49.